

РАЗДЕЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА В ФЕДЕРАТИВНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Н. В. РАЗУВАЕВ*

Разуваев Николай Викторович,
кандидат юридических
наук, профессор Северо-
Западного института
управления Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы

В статье исследуется проблема суверенитета как одного из основных признаков государства и раскрываются особенности суверенитета применительно к федерациям. При этом автор исходит из постклассического понимания государства, в соответствии с которым последнее рассматривается в качестве особой правовой конструкции. Соответственно и признаки государства, включая суверенитет, также являются сконструированными, представляя собой совокупность элементов (правомочий), которые могут быть разделены между различными субъектами властвования.

Исходя из этого, автор статьи делает вывод о делимости государственного суверенитета. Данное его свойство проявляется уже в унитарных государствах, многие из которых представляют собой достаточно сложные политические образования, включающие в себя административно-территориальные единицы, обладающие элементами суверенитета. Еще более наглядно это проявляется в федерациях, субъекты

которых обладают ограниченным суверенитетом, производным от суверенитета федеративного государства. Таким образом, имеет место распределение суверенитета между федерацией и ее субъектами, выступающее основой так называемого вертикального разделения властей. Подобное распределение суверенных прав между центром и субъектами, по мнению автора, является одной из важнейших характеристик федерации, отличающих ее, с одной стороны, от унитарного государства, а с другой стороны, от конфедерации, в которой общегосударственный суверенитет произведен от суверенитета субъектов.

Автор полагает, что разделение суверенитета, характерное для современных федеративных государств, имеет своим прообразом право расщепленной собственности на землю, составлявшее основу правопорядка и политического властвования в традиционном обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, суверенитет, унитарное государство, федерация, вертикальное разделение властей, территория, сюзеренитет, право расщепленной собственности.

* Nikolai V. Razuvaev — candidate of legal sciences, professor of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: Nrasuvaev@yandex.ru
© Разуваев Н. В., 2016

RAZUVAEV N. V. DIVISION OF SOVEREIGNTY IN A FEDERAL STATE: THEORY AND HISTORICAL BACKGROUND

The article studies the problems of sovereignty as one of the basic characteristics of a state and reveals the special features of sovereignty in connection with federations. The author relies on the post-classical understanding of the state according to which the latter is examined as a special legal construction. Accordingly, the characteristics of the state, including sovereignty, are also constructed representing a number of elements (powers) which may be divided between different entities of power.

Based on the above, the author makes the conclusion about the possibility to divide the state sovereignty. This property is manifested already in unitary states many of which represent relatively complicated political formations integrating administrative and territorial units which possess the elements of sovereignty. It is manifested even more clearly in the federations constituent units of which possess the limited sovereignty derived from the sovereignty of a federative state. Thus, there is a distribution of sovereignty between the federation and its constituent units which appears to be a basis for the so-called vertical separation of powers. A similar distribution of sovereign rights between the center and constituent units, in the author's opinion, is one of the most important characteristics of the federation which distinguishes it from the unitary state, on the one hand, and from the confederation where the state sovereignty is derived from the sovereignty of the constituent units, on the other hand.

The author assumes that the right of split land ownership which was the basis of the legal order and political power in the traditional society is a prototype of the division of sovereignty, typical for modern federative states.

KEYWORDS: state, sovereignty, unitary state, federation, vertical separation of powers, territory, suzerainty, right of split land ownership.

1. Постановка проблемы. Проблема федеративной формы территориального устройства в государствах прошлого и современности относится к числу наиболее актуальных, находясь в центре внимания не только юридической науки, но и целого ряда смежных с нею научных дисциплин, прежде всего политологии, социологии, политической истории и др. Естественно, каждая из упомянутых дисциплин, учитывая специфику их предметов, рассматривает данную проблему под собственным углом зрения, вычлняя те аспекты, которые имеют особое значение. Вместе с тем не вызывает сомнения, что исследования федерализма с позиций различных наук дополняют и обогащают друг друга, расширяя наши познания в данной сфере. Вот почему выделение специфически юридического ракурса федеративного государственного устройства вызывает известные затруднения. Более того, может показаться, что именно юристами указанная категория была изучена наиболее полно, подробно и всесторонне, что, на первый взгляд, исключает возможность дальнейшего развития научной мысли в соответствующем направлении.

Между тем проблема федеративного государства по-прежнему привлекает к себе пристальное внимание правовой науки, вызывая целый ряд активных дискуссий. Прежде всего, это касается особенностей организации и распределения власти в федерациях различных типов. На своем образе власти в федеративном государстве впервые обращал внимание еще А. де Токвиль, по словам которого в федерации «одновременно су-

ществуют два различных общества, которые, если можно так выразиться, втиснуты одно в другое. И мы видим здесь два правительства, полностью отделенных друг от друга и практически независимых: одно из них носит самый обычный характер, оно имеет весьма широкие полномочия и обеспечивает удовлетворение потребностей общества, тогда как другое — особое, сфера его деятельности ограничена и охватывает лишь самые общие интересы всей страны»¹.

Одним из признаков, характеризующих власть государства, является суверенитет, под которым, как известно, понимаются верховенство, полнота и неделимость государственной власти и ее независимость от других субъектов как внутри страны, так и за пределами последней². Согласно широко распространенному мнению, государство как носитель суверенитета превосходит в плане своих полномочий прочих субъектов властвования и вправе «отменить любые проявления всех иных общественных властей»³. В свою очередь, и само государство рассматривается в качестве единого целого, противопоставляемого другим социальным образованиям, обладающим властными полномочиями в широком смысле (общественным и религиозным организациям, политическим партиям, профессиональным союзам и т. п.).

Между тем на современном этапе развития юридической науки все более отчетливо стало осознаваться несовершенство концепции государственного суверенитета, предполагающее ее переосмысление в свете идей постклассической теории права⁴. К числу вопросов, вызывающих оживленные споры в литературе, относится и специфика суверенитета в государствах с различной формой территориального устройства. Понимание суверенитета как верховенства и независимости государственной власти, в частности, не дает четкого критерия для различения государств по форме их территориальной организации. Трактующий подобным образом суверенитет действительно является неделимым, и, следовательно, обнаружить отличие унитарных государств от федераций и конфедераций с таких позиций становится затруднительным.

Не случайно, по мнению ряда авторов, отличие унитарного государства от федерации заключается в том, что территория унитарного государства не состоит из государствовподобных образований (субъектов), тогда как федерация представляет собой союз таких субъектов, обладающих рядом собственных компетенций⁵. Нетрудно заметить, что подобный критерий не обладает достаточной четкостью и не отражает всего разнообразия локальных вариантов государственно-территориального устройства, поскольку и среди унитарных государств существует немало таких, кото-

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 64.

² См., в частности: Левин И. Д. Суверенитет. СПб., 2003. С. 71; Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2001. С. 558.

³ Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 2001. С. 21.

⁴ О фундаментальных теоретико-методологических установках постклассической юриспруденции см. подробнее: Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43.

⁵ Чиркин В. Е. Современное государство. М., 2001. С. 156–163.

рые включают в свой состав государствовподобные образования (регионы или автономии).

Кроме того, следуя такому подходу, трудно различить федерации и конфедерации, также состоящие из субъектов. Наконец, и в чисто практическом плане классическая доктрина суверенитета не учитывает ряд важных процессов, которыми характеризуются государства на современном этапе их эволюции. Речь идет, во-первых, о регионализации, на низовом уровне затронувшей даже унитарные государства, и, во-вторых, об объединении государств в надгосударственные образования, подобные Европейскому союзу. Для объяснения таких процессов представляется необходимым отказаться от устоявшихся представлений о неделимости государственного суверенитета, признав его сложносоставной характер.

Учитывая сказанное, представляется целесообразным, давая описание различных форм государственно-территориального устройства, руководствоваться характером распределения суверенитета между государством как целым и входящими в него единицами. Не вызывает сомнений, что предпосылкой для данного вывода выступает ревизия самого понятия государства, требующая усилий не только специалистов в области конституционного права и иных отраслевых наук, но и теоретиков-государствоведов. Попыткой предложить пути решения обозначенной проблемы является настоящее исследование, цель которого состоит в рассмотрении специфики суверенитета в федеративных государствах.

Для достижения данной цели необходимо, прежде всего, в общих чертах остановиться на основных положениях постклассической теории государства. В свете предложенной концепции мы попытаемся наметить основные недостатки классического учения о суверенитете и сформулировать собственное его понимание, что, в свою очередь, даст возможность более подробно охарактеризовать особенности федерации и выделить исторические предпосылки разделения суверенитета в федеративном государстве. Естественно, указанные вопросы выходят далеко за рамки настоящей статьи и требуют самостоятельных углубленных исследований, а потому будут затронуты лишь в самых общих чертах.

2. Постклассическое понимание государства. Поскольку государственный суверенитет относится к числу признаков государства, причем является важнейшим из них, его дефиниция производна от понимания государства. Становление постклассической парадигмы способствовало проблематизации классических представлений и, прежде всего, идеи целостности государства как единого субъекта, обладающего собственной неделимой волей, служащей источником политической власти.

Фундамент классического понимания государства был заложен уже в работах основоположников доктрины суверенитета (Ж. Бодена, Т. Гоббса и др.), отождествлявших государство с народом (гражданским коллективом) или единоличным правителем, собственно и выступавшими, в их представлении, носителями властных прерогатив⁶. Однако свое оконча-

⁶ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970. С. 144–145; Гоббс Т. Основы философии // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 161.

тельное оформление классическая теория получила у Гегеля, в понятийном плане отделившего государство от его человеческого субстрата и утверждавшего верховенство государственной воли и интереса над волей и интересами отдельных граждан.

Согласно знаменитому гегелевскому высказыванию «Государство есть действительность нравственной идеи — нравственный дух как очевидная, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает»⁷. Иными словами, суверенитет государства, по мысли философа, обеспечивается присущей последнему как действительности субстанциональной воли направленности на достижение «в себе и для себя разумной» цели. Именно этим государственная воля, имеющая своей целью всеобщее благо, или, выражаясь современным языком, «решение общих дел»⁸, отличается от воли индивидов, преследующих частные цели, которые, противореча друг другу, в конечном счете, диалектически отрицают свою действительность и разумность.

Отсюда естественным образом вытекал примат интереса государства в качестве всеобщего над особенным, воплощенным в частных интересах, реализуемых в рамках гражданского общества. Гегель пишет: «Государство действительно, и его действительность заключается в том, что интерес целого реализуется, распадаясь на особенные цели. Действительность всегда есть единство всеобщности и особенности... Если этого единства нет в наличии, нечто не действительно, хотя бы и можно было принять, что оно существует»⁹. Таким образом, государственный суверенитет, в понимании философа, является единым и неделимым, поскольку неделимостью характеризуется воля государства, направленная на достижение всеобщей цели и в конечном счете само государство как субъект волеизъявления.

Классическое учение о суверенитете сохраняет свое значение и в наши дни. Не случайно в большинстве работ, посвященных данному предмету, суверенитет государства продолжает рассматриваться сквозь призму указанных представлений. Между тем классическая доктрина порождает целый ряд вопросов, развернутые ответы на которые, как представляется, отсутствуют. Прежде всего не получила объяснения природа личности государства, свойством которой выступает его суверенная воля. Если не усматривать, подобно Гегелю, в государстве действительность объективного духа, который собственно и выступает субъектом волеизъявления, приходится признать, что в итоге оно представляет собой совокупность должностных лиц, наделенных властными полномочиями.

В таком случае единая «воля государства» уступает место множеству волевых актов, исходящих от этих субъектов и принимаемых теми, кто имеет с ними дело, за проявления воли государства как такового¹⁰. Причем несложно заметить, что на практике такие волевые акты нередко противо-

⁷ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 279.

⁸ Спиридонов Л. И. *Теория государства и права*. С. 49.

⁹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 305.

¹⁰ Ross A. On the Concepts «State» and «State Organs» in Constitutional Law // *Scandinavian Studies in Law*. 1960. Vol. 5. P. 123–124.

речат друг другу¹¹. Последнее обстоятельство порождает многочисленные и трудноразрешимые конфликты их интерпретации¹², когда возникает вопрос, какое из этих взаимно противоречивых решений следует принимать за волю государства.

Столь же противоречивыми оказываются и интересы государства, за которыми на поверку нередко стоят все те же частные (и притом сугубо корыстные) интересы находящихся у власти бюрократических группировок¹³. Наконец, и само верховенство власти государства в современной доктрине утрачивает рациональное обоснование. Ведь если у Гегеля оно проистекает из наличия у государства разумной цели, действительность которой обуславливается ее тотальной всеобщностью, то юристы, не обладающие склонностью к философской рефлексии, выводят суверенность государства просто из факта наличия у него власти, что лишает необходимости данный признак¹⁴.

Попыткой преодоления отмеченных противоречий и стала постклассическая теория государства, в рамках которой последнее рассматривается как особого рода правовая конструкция, формируемая на основе коммуникативных взаимодействий членов общества. Таким образом, постклассическая теория, руководствуясь известным приемом феноменологической редукции, выносит за скобки «личность» государства, обнаруживая тем самым подлинную бытийную основу, на которой выстраивается данный феномен¹⁵.

Вообще говоря, редукция как исследовательский прием применима не только к государству, но и к любым субъектным структурам, в том числе к человеческому «я». В самом деле, пытаясь выявить, что представляет собой чистая субъективность, с тем чтобы отличить ее от объектов, составляющих содержание нашего сознания, мы будем вынуждены редуцировать все ее компоненты, имеющие объектные характеристики, в том числе телесность, психологические свойства личности, мышление и т. п.¹⁶. Результатом применения данной процедуры становится восприятие чисто-

¹¹ Bourdieu P., Wacquant L. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago, 1992. P. 111–112.

¹² Обсуждение разнообразных конфликтов интерпретаций (в том числе интерпретаций субъекта) в контексте герменевтической проблематики см. у Г. Г. Гадамера (*Гадамер Г. Г. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М., 2008).

¹³ Laumann E. O., Knoke D. *The Organizational State. Social Choice and National Policy Domains*. Madison, 1987. P. 381–386; Mitchell T. *Society, Economy and the State Effect // State — Culture: State Formation After the Cultural Turn*. Ithaca, 1999. P. 77–83; Bourdieu P. *Is a Disinterested Act Possible? // Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action*. Cambridge, 1998. P. 75–91.

¹⁴ А. В. Поляков пишет: «В русской научной литературе отмечено, что верховная власть есть в любом государстве, тогда как независимость государства от других государств далеко не всегда имеет место... Ряд мыслителей пытается поставить под сомнение сам принцип государственного суверенитета» (*Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода*. СПб., 2004. С. 53).

¹⁵ Гуссерль Э. *Картезианские размышления*. СПб., 1998.

¹⁶ Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. Книга первая. *Общее введение в феноменологическую философию*. М., 2009. С. 102.

го «я» как централизованной реальности, простой интенциональной направленности на объекты, из которых при помощи различных знаковых средств конструируется как сама реальность, так и внутренний мир субъекта, выступающего в качестве ее противоположного в гносеологическом (но не в онтологическом!) плане полюса. Таким образом, субъект со всеми присущими ему свойствами является результатом «самосборки» (аутопозэзиса) из многочисленных и разнообразных элементов реальности¹⁷.

Аутопозэтическими свойствами обладает и государство, представляющее собой фрагмент правовой реальности и рекурсивно включающее различные ее феномены, прежде всего коммуникативные отношения людей, а также нормы и субъективные права, которые служат юридическим масштабом, мерой человеческой свободы. Таким образом, государство как правовая конструкция является рекурсивным множеством индивидов и отношений между ними, институционализирующим свободу членов общества и получающим свое юридическое оформление в нормах права и субъективных правах.

Рекурсивные свойства особенно наглядно проявляются в форме государства, одной из важнейших характеристик которой и служит государственный суверенитет. Причем форма государства представляет собой совокупность знаковых средств, конструирующих государство как целостный феномен. В качестве подобных знаковых средств выступают, как следует из ранее сказанного, нормы, а также субъективные права и обязанности людей, действующих от имени государства и участвующих во взаимоотношениях с ним.

Есть основания полагать, что сущностный (смысловой) и содержательный (структурно-функциональный) аспекты государства рекурсивно включаются в понятие его формы, а взаимосвязанность указанных аспектов обуславливает единство элементов формы. Так, форма правления задает множество структурных взаимосвязей между элементами одного уровня и смысловую значимость этих отношений, форма территориального устройства описывает взаимоотношения между элементами различных уровней в контексте смысловой значимости таких отношений. Наконец, политический режим, будучи одновременно и формальным, и содержательным, и сущностным компонентом, определяет отношения между государством и обществом в целом, осмысляемые в ценностном контексте и влияющие на характер функционирования государства, его взаимодействия с социальными структурами и индивидами¹⁸.

Суверенитет государства, следовательно, представляет собой совокупность суверенных прав всех участников политического общения, включающую в себя основные права и свободы личности, а также управленческие и властные полномочия, принадлежащие государству в целом, его органам и должностным лицам. При подобном понимании напраши-

¹⁷ См. подробнее: Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001.

¹⁸ Давыдова М. Л., Шанин А. А. Категории «сущность», «содержание» и «форма» как научная основа построения учебного курса общей теории государства // Право и образование. 2008. № 1. С. 56–65.

вается вывод, согласно которому государственный суверенитет, особенно в сложных (федеративных и конфедеративных) государствах, делим, поскольку предполагает возможность делегации, переноса прав и полномочий, составляющих его содержание, от одних субъектов к другим.

Полагаем, что интерпретация суверенитета как верховенства юридически артикулированной свободы акторов социального и политико-правового общения имеет целый ряд теоретических и практических преимуществ по сравнению с традиционной доктриной, видящей в суверенитете верховенство власти, приписываемой абстрактной фигуре «государства». К рассмотрению этих преимуществ, а также основных недостатков классической концепции мы далее и обратимся.

3. Проблема суверенитета в государствах с различными формами территориального устройства. Трактовка суверенитета как верховенства власти соотносится с моделью политической и территориальной организации абсолютистского государства позднего Средневековья и раннего Нового времени, отражая особенности именно такой модели¹⁹. Однако к современному государству, представляющему собой сложную структуру или совокупность структур, обладающих относительной независимостью в пределах своих компетенций, классическое учение оказывается явно неприменимым. В связи с этим нельзя не согласиться с А. В. Поляковым, констатирующим «проблематичность самой конструкции суверенной власти и нерешенность этой проблемы в государствоведении»²⁰.

Сказанное верно даже в отношении современных унитарных государств, многие из которых включают в себя автономии, чей статус существенно отличается от статуса простых административно-территориальных единиц²¹. Не случайно исследователи унитарной формы территориального устройства, наряду с так называемыми простыми²², или «слитными»²³, выделяют и сложные, децентрализованные унитарные государства²⁴. Более того, в современной практике встречаются и региональные унитарные государства, автономии в составе которых имеют и собственное законодательство, учитывающее региональные, этнонациональные и культурные особенности соответствующих автономий²⁵. Очевидно, что наделение

¹⁹ См. об этом: *Маритен Ж.* Народ и государство. М., 2000. С. 35–56.

²⁰ *Поляков А. В.* Общая теория права... С. 534.

²¹ *Смирнов Я. Ю.* Вопрос о предметах ведения субъектов федерации или регионов унитарных государств в конституциях стран СНГ, Западной Европы и Америки // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 1–2. С. 29–33; *Касаткина Н. А.* Понятие унитарного государства в теории государства и права // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 209; *Бёф Ж.-Л., Маньян М.* Территориальные образования и децентрализация // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 5; *L'État multinational et l'Europe / dir. O. Audéoud, J. D. Mouton et S. Pierré-Caps.* Nancy, 1997. P. 215.

²² *Федосцева Н. Н.* Формы государственного устройства: теоретические и исторические аспекты: дис. ... к. ю. н. М., 2000. С. 28.

²³ *Григонис Э. П., Григонис В. П.* Конституционное право зарубежных стран. СПб., 2006. С. 62.

²⁴ *Хафизов А. А.* Структура и организация власти в унитарном государстве // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 269–270.

²⁵ *Морозова Л. А.* Теория государства и права. М., 2005. С. 81.

регионов автономией (зачастую чрезвычайно широкой) ставит под вопрос пресловутое единство политической и правовой систем унитарного государства, создавая известные предпосылки для вертикального разделения властей и, следовательно, для распределения суверенных прав между центром и регионами.

И хотя специалистами нередко высказывается мнение, что региональные государства представляют собой переходный тип между унитарным государством и федерацией, едва ли имеются достаточные основания ставить под сомнение их унитарный характер. Так, в Конституции Испании 1978 г., несмотря на то что все территориальные единицы, входящие в состав государства, признаются обладающими автономией при ведении своих дел (ст. 137), содержится специальная оговорка, запрещающая образование федерации автономных сообществ (п. 1 ст. 145)²⁶. Не случайно авторы, рассматривающие социально-политические и юридические процессы в этой стране, определяют Испанию как унитарное государство²⁷.

Аналогичным образом обстоят дела с другими региональными государствами, такими, в частности, как Великобритания и Италия, унитарное устройство которых признается в литературе²⁸. Вообще тенденцией к регионализации в настоящее время характеризуются многие унитарные государства (Польша, Швеция, Финляндия, Нидерланды)²⁹, что позволяет сделать вывод о постепенном стирании границы между унитарной и федеративной формами территориального устройства в наиболее развитых современных государствах. Еще в большей степени вывод о неоднозначности концепции суверенитета как исключительного признака верховной государственной власти касается федераций, в состав которых изначально входят относительно самостоятельные государственные образования³⁰.

В связи с этим резонно встает вопрос о специфике властных прерогатив субъектов федерации и, в частности, о наличии либо отсутствии у последних государственного суверенитета. При этом возникает достаточно болезненная в теоретическом отношении дилемма. С одной стороны, государствоведы, отрицающие наличие у субъектов федерации

²⁶ «*Non se admitirá en caso ningún a federación de Comunidades Autónomas*» (Constitution Española // Bulletin oficial del Estado. Gaceta de Madrid. 1978. 29 dec. n 311.1).

²⁷ См., напр.: Рудницкая А. П., Глинник Ю. А. Социально-политический вектор развития королевства Испания как унитарного государства // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2015. № 9–10 (38). С. 80–88.

²⁸ Тьерней С. Шотландия: деволюция в рамках унитарного государства // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 71–88; Сардарян Г. Т. Конституционная реформа 2001 года в Италии в контексте перехода от сложного унитарного государства к федеративному // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 122–129.

²⁹ Ляпин И. Ф. Децентрализация власти в унитарных государствах // Государственная служба. 2010. № 1. С. 89–93; Раньжина И. В. Механизм федерализации государства унитарной формы государственного устройства // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 4. С. 37–42; Лысенко А. В. Политико-географические аспекты автономизма в унитарных государствах Западной Европы // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия: География. 2013. Т. 26 (65), № 2. С. 127–134.

³⁰ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 114.

суверенитета (или, по крайней мере, отдельных его элементов), не только лишаются четкого юридического критерия, позволяющего отграничить федерацию от сложного унитарного государства, но и вынуждены оставлять без объяснения факт наличия у субъектов собственного законодательства, а также законодательной и судебной властей, не подчиняющихся напрямую соответствующим органам федеральной власти. С другой стороны, признание за субъектами хотя бы частичного суверенитета входит в прямое противоречие с классической доктриной, на что обращал внимание еще Л. Дюги, полагавший, что в рамках этой доктрины описание федеративного государства в принципе невозможно³¹.

4. Особенности суверенитета в федеративном государстве: основные подходы. В настоящее время по вопросу соотношения суверенной власти федерации и ее субъектов высказано несколько точек зрения, анализ которых дан в ряде работ, что в свою очередь освобождает нас от необходимости их подробного рассмотрения³². Согласно одной из них, субъекты федерации не имеют суверенитета, которым обладает лишь федерация в целом, но не ее субъекты³³. Сторонники другой точки зрения полагают, что субъекты федерации в полной мере обладают государственным суверенитетом, существующим наряду с суверенитетом федерации как целого³⁴. Наконец, наиболее распространенной является «классическая» теория, нашедшая поддержку как среди отечественных авторов, так и среди зарубежных ученых³⁵, в соответствии с которой субъекты федерации обладают не полным, а частичным суверенитетом, который,

³¹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1909.

³² См., в частности: Журавлев А. Л., Комарова В. В. Суверенитет в федеративном государстве // Право и жизнь. 2000. № 29. С. 14–21; Пастухова Н. Б. Проблемы государственного суверенитета. М., 2006. С. 65.

³³ Манелис Б. Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. Ташкент, 1964. С. 37–40; Козырев А. А. Проблемы соотношения государственного суверенитета Российской Федерации и государственной власти ее субъектов // Право и политика. 2003. № 5. С. 38–40; Карасев А. Т. Особенности формирования государственной власти в федеративных государствах // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. № 8. С. 9; Олесов А. А. Государственный суверенитет в федеративном государстве // Вестник ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2014. № 8 (49). С. 91–93.

³⁴ Маунц Т. Государственное право Германии (ФРГ и ГДР). М., 1959. С. 266–279; Тадевосян Э. В. К вопросу о характере государственной власти субъекта Федерации // Государство и право. 2000. № 3. С. 21; Автономов А. С. Консенсуальная интеграция — сущность современного федерализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4 (49). С. 21.

³⁵ Мелкумов А. А. Канадский федерализм: теория и практика. М., 1998. С. 22–25; Саликов М. С. Судебный федерализм США // Правоведение. 1998. № 1. С. 41; Арановский К. В. Суверенитет в системе федеративных отношений // Право и политика. 2000. № 1. С. 14 и др.; Фляйнер Т., Фляйнер Л., Басти Р. Федерализм, федеративные государства и децентрализация // Федерализм и многоэтничные государства: швейцарская модель. Казань, 2004. С. 5; Примова Э. Н. Конституционно-правовые основы Российской Федерации: концептуальный аспект. М., 2006. С. 123; Васильев А. В. Федеративное устройство государства: теория, иностранный и российский опыт // Право и государство: теория и практика. 2007. № 4. С. 4; Грачев Н. И. Суверенитет и федерализм: правовые проблемы организации верховной власти в федеративном государстве // Закон и право. 2007. № 1. С. 12.

таким образом, делится между федеративным государством и его членами³⁶. На принципиальную делимость суверенитета (причем на его способность не только к вертикальному, но и к горизонтальному разделению) обращает внимание, в частности, Н. И. Грачев, по утверждению которого «по своему юридическому объему суверенитет делим, и... возможно обладание суверенными полномочиями по определенному кругу вопросов, так же, как и их концентрация между несколькими органами или уровнями государственной власти»³⁷.

Следует заметить, что теория разделенного суверенитета вызвала целый ряд критических замечаний. Так, некоторые авторы полагают, что данная концепция характеризуется поверхностностью и юридической наивностью, отражая наиболее «ранний этап развития федераций, в частности, американской»³⁸. Едва ли данный упрек можно считать справедливым, уже хотя бы потому, что будь это так, теория разделенного суверенитета едва ли сохранила бы свое значение в течение столь длительного времени (как известно, ее создал на рубеже XVI–XVII вв. немецкий юрист Иоганн Альтузий³⁹) и, скорее всего, сошла бы с исторической сцены по мере трансформации тех федеративных государств, на которые она ориентировалась. Вообще же идейное содержание любой концепции, в том числе и рассматриваемой нами, не опровергается простым указанием на возраст или теоретическую «наивность» соответствующей концепции. В самом деле, теория абсолютного суверенитета, восходящая к трудам Ж. Бодена, не менее стара и, как мы видели, едва ли не более наивна, что, однако, не мешает многим ученым придерживаться ее и по сей день.

К числу более содержательных контраргументов относится утверждение, согласно которому сторонники теории разделенного суверенитета отождествляют данное понятие с такими категориями, как государственная власть, суверенные права, полномочия, предметы ведения и т. п.⁴⁰. Между тем, если вести речь о *юридическом* (а не политико-социологическом) содержании рассматриваемого явления, то иначе как через правовые категории определить его невозможно. Поскольку суверенитет является свойством государственной власти, с неизбежностью встает вопрос о природе и сущности этой последней.

Представляется, что власть в современном государстве, имея своей основной целью создание условий для осуществления и защиту основных прав свободных и формально равных индивидов, являющихся членами

³⁶ См. подробнее: *Черняк Л. Ю.* Теория делимости государственного суверенитета в федеративном государстве // Академический юридический журнал. 2009. № 1. С. 12–20.

³⁷ *Грачев Н. И.* Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2009. С. 11.

³⁸ *Журавлев А. Л., Комарова В. В.* Суверенитет в федеративном государстве. С. 14. — См. также: *Левин И. Д.* Суверенитет. С. 293.

³⁹ *Althusius J.* *Politica methodice digesta et exemplis sacris et profanes illustrata.* Herborn, 1603.

⁴⁰ *Палиенко Н. И.* Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 286.

общества⁴¹, безусловно, обладает юридическим характером, поскольку в противном случае ее реализация в правовом государстве оказалась бы невозможной⁴². Сказанное находит свое подтверждение и в целом ряде положений действующего российского законодательства, прежде всего в ст. 2 Конституции РФ⁴³, предполагающей связанность государства правами и свободами человека, что уже само по себе свидетельствует о юридическом содержании его суверенитета. Соответственно, те авторы, кто настаивает на нетождественности понятий суверенитета и суверенных прав, на наш взгляд, пытаются попросту «выхолостить» это содержание, лишая идею суверенитета всякого смысла.

Многие ученые отрицают наличие суверенитета у субъектов федерации на том основании, что им не присуща независимость в международных делах. «Их внешнеполитическая деятельность, — пишет Л. Ю. Черняк, — как правило, целиком находится в ведении федерации. Регионы либо полностью лишены права участия в международных отношениях... либо их внешнеполитическая деятельность сильно ограничена и осуществляется под контролем федерации»⁴⁴. Полагаем, что такого рода утверждения являются излишне категоричными и не учитывают тех процессов, которые в настоящее время охватывают не только субъекты федерации, но и автономные регионы многих унитарных государств, получающие все больше возможностей для международного сотрудничества⁴⁵.

Кроме того, история знает немало примеров частично суверенных государств, обладавших тем не менее всеми остальными признаками государственности. Так, частичным суверенитетом в конце XIX и в первой половине XX века обладали доминионы Британской Империи (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, позднее — Индия), что, однако, не препятствовало рассматривать их в качестве полноценных, хотя и своеобразных, государственных образований. Любопытными примерами частично суверенных государств являлись эялеты Османской империи (Египет, Тунис, Алжир) в XVIII–XIX вв., а также подмандатные государства, образованные на бывшей территории той же Османской империи после Первой мировой войны. Наконец, создание уже в наши дни Европейского союза стало возможным благодаря добровольному отказу входящих в его состав национальных государств от части своего суверенитета.

⁴¹ Разуваев Н. В. Современное государство как субъект права и социальный институт. Саарбрюккен, 2011.

⁴² См. об этом: Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2001. С. 308–309.

⁴³ Конституция Российской Федерации. Принята на референдуме 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ и от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴⁴ Черняк Л. Ю. Теория делимости государственного суверенитета в федеративном государстве. С. 18.

⁴⁵ См. об этом подробнее: Плотникова О. В. Региональное измерение в современном мироустройстве // Власть. 2012. № 9. С. 72–75.

Представляется, что к числу наиболее спорных и схоластичных относится часто высказываемое утверждение, в соответствии с которым суверенитет может принадлежать лишь федерации, но не ее субъектам, поскольку он *качественно неделим*. Данная мысль звучала еще в XIX в. и была сформулирована, в частности, А. С. Яценко: «Верховенство есть понятие целостное; его нельзя делить, как нельзя делить превосходную степень. Суверенитет есть по самому понятию своему выражение единства власти. Делить суверенитет значит делить единство, что включает в себе логический абсурд»⁴⁶. Уже в наши дни ее повторяет, например, Р. В. Енгибарян: «Нельзя быть суверенным на четверть, на треть или наполовину. Другое дело — компетенция, права, обязанности, которые делимы, могут быть больше или меньше в своей совокупности, могут увеличиваться или уменьшаться»⁴⁷.

При этом остается неясным, что означает неделимость суверенитета, особенно учитывая множественность его видов и их взаимосотнесенность. В литературе со времен Ж.-Ж. Руссо⁴⁸ принято выделять, наряду с государственным суверенитетом, народный суверенитет, и эти понятия нашли свое отражение в конституционном законодательстве целого ряда стран, в том числе Российской Федерации. Так, в п. 1 ст. 3 Конституции РФ установлено, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Согласно же п. 1 ст. 4 Конституции суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Наконец, достоянием последних десятилетий стала и все более активно заявляющая о себе идея суверенитета человеческой личности, лежащего в основе как народного, так и государственного суверенитета⁴⁹.

5. Федеративное государство как правовая конструкция. Имеются основания вести речь о трех уровнях суверенитета, каждый последующий из которых является производным от предыдущих и представляет собой результат своеобразного переноса части суверенных прав, а именно: суверенитет личности, народный суверенитет и суверенитет государства. В самом деле, народ как носитель и источник власти в обществе не может рассматриваться в качестве некоего органического целого, субъектность (в том числе и правосубъектность) которого имеет особый характер, отличаясь от субъектности индивидов, являющихся частями этого целого⁵⁰.

⁴⁶ Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 277.

⁴⁷ Енгибарян Р. В. О некоторых дискуссионных теоретико-методологических вопросах курса конституционного права (читая новейшую учебную литературу) // Государство и право. 2001. № 1. С. 19.

⁴⁸ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 191–192.

⁴⁹ Cruet I. La vie du droit et l'impuissance des lois. Paris, 1908. P. 222; Terrell T. D. Property Rights and Externality: The Ethics of the Austrian School // Journal of Markets & Morality. 1999. Vol. 2, n 2. P. 197–207; Shapiro I. Democratic Justice. New Haven, 2001. P. 145–146; Rothbard M. N. The Ethics of Liberty. New York, 2003. P. 43–45.

⁵⁰ В. А. Четвернин замечает: «Народ обычно представляют как коллективное целое, что очень удобно для того, чтобы преподносить политически оформленную волю поли-

С научной точки зрения, было бы значительно корректнее считать народ особой социальной конструкцией, взаимосвязанность элементов которой обеспечивается различными средствами: знаково-символическими, культурными, политическими и т. п. В основе этой взаимосвязанности лежит единое пространство коммуникаций индивидов, принадлежащих к данной общности.

Но коль скоро это так, и народ (под которым следует понимать совокупность всех членов общества, т. е. субстанциональное измерение социума) есть не естественное, органическое, а сконструированное целое, то сконструированным характером обладает и народный суверенитет. В таком случае становится очевидным, что последний, будучи конструкцией, делим. Некоторая часть суверенных прав, принадлежащих народу и реализуемых им напрямую посредством референдума и свободных выборов (п. 3 ст. 3 Конституции РФ), в результате постоянно самовоспроизводящегося «общественного договора» отчуждается и передается государству, становясь необходимым условием для государственного суверенитета⁵¹.

При этом само государство, в том числе федеративное, как уже было отмечено ранее, также представляет собой более или менее сложную конструкцию, создаваемую правовыми средствами. Было бы ошибкой, следовательно, наделять государство как таковое, а равно и государственный суверенитет неким «объективным» существованием, поскольку и то, и другое представляет собой идеальные понятия, сконструированные на основе множества конкретных фактов социальной реальности. Эмпирически то, что в общей теории именуется государством, воспринимается в качестве множества субъектов властвования, их полномочий, отношений между этими субъектами, а также регулирующих данные отношения норм⁵².

Именно право создает из указанной совокупности эмпирических фактов единый феномен государства как идеально-типическую конструкцию, вкладывая в нее объективный смысл, который нередко и принимается за реальное существование⁵³. Этой идеальной конструкции наука приписывает обладание суверенитетом, между тем как на практике властные полномочия, составляющие содержание суверенитета, разделяются между различными органами и должностными лицами, реализующими данные полномочия. При этом в федеративном государстве суверенитет делится не только между различными ветвями федеральной власти (исполнительной, законодательной и судебной), но и между федерацией в целом и ее субъектами.

тической элиты или части общества как волю этого коллективного целого» (Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсесянца. С. 562).

⁵¹ См. об этом: *Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М., 1993. С. 283–284; *Хёффе О.* Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 278 и след.

⁵² *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 361.

⁵³ *Шюц А.* Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 1002–1004.

Конструкция разделенного суверенитета в федеративном государстве порождает целый ряд важных и практически значимых последствий, к числу которых следует, прежде всего, отнести разделение властей «по вертикали» — между федерацией и ее субъектами. Данный вид разделения властей представляет собой «прежде всего, разграничение полномочий между федеральным центром и субъектами федерации»⁵⁴. Несмотря на то что некоторые юристы, руководствуясь по преимуществу догматическими соображениями, склонны отрицать вертикальное разделение властей⁵⁵, оно представляет собой неотъемлемый атрибут любого федеративного государства и впервые было закреплено еще в X Поправке к Конституции США, согласно которой полномочия, не делегированные конституцией Соединенным Штатам и не запрещенные для отдельных штатов, остаются соответственно за штатами или за народом⁵⁶. Учитывая сказанное, следует признать правильной позицию А. А. Хафизова, полагающего, что «ни федеральная власть, ни власть субъектов не являются абсолютными и неограниченными; действие каждой из них ограничено верховенством другой в сфере ее исключительной компетенции»⁵⁷.

Практика разделения суверенитета между федерацией и ее субъектами имеет глубокие исторические корни. При этом, поскольку государственный суверенитет (подобно самому государству) есть, как мы видели, категория юридическая, то его становление и развитие всецело определяются теми процессами, которые обуславливают эволюцию правопорядка. Указанное обстоятельство объясняет историческую относительность суверенитета, отмеченную еще Г. Еллинеком, по словам которого «суверенитет есть не абсолютная, а историческая категория»⁵⁸. Функционально суверенитет, присущий современному государству, а также его исторические прообразы относятся к числу правовых средств конструирования социального пространства в столь важном аспекте, как географическое пространство, или территория⁵⁹. Необходимо отметить, что, в отличие от пространства географического социальное пространство является средой межличностных взаимодействий членов общества⁶⁰, причем средой, имеющей не столько физический, сколько ментальный характер⁶¹. Таким

⁵⁴ Хафизов А. А. Распределение компетенций органов власти в федеративных государствах: инвариантные признаки и вариативные черты // Проблемы права. 2011. № 3 (29). С. 80.

⁵⁵ Черняк Л. А. Теория делимости государственного суверенитета в федеративном государстве. С. 18–19.

⁵⁶ См. подробнее: *Story J. Commentaries on the Constitution of the United States*. Vol. 3. Boston, 1833. § 1900–1901.

⁵⁷ Хафизов А. А. Распределение компетенций органов власти в федеративных государствах: инвариантные признаки и вариативные черты. С. 80.

⁵⁸ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 457.

⁵⁹ Грачев Н. И. Государственное устройство и суверенитет... С. 11.

⁶⁰ Зиммель Г. Социология пространства // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 128 и след.; Виноградова Н. Л. Социальное пространство как пространство диалогического взаимодействия // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 39–54.

⁶¹ П. Бурдье утверждает: «Социальное деление, объективированное в физическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как кате-

образом, социальное пространство в различных его аспектах, в том числе территориальном, создается, конструируется индивидами в процессе коммуникации.

Соответственно территория есть не просто природный ландшафт в его географической конкретности, но совокупность определенным образом организованных и упорядоченных объектов природного мира, релевантных в социальном отношении. Важной особенностью территории является *смысловая наполненность* последней, определяющая отбор и структурирование элементов, из которых она конструируется. Набор таких элементов обусловлен различными факторами, прежде всего особенностями коммуникации, характерными для той или иной эпохи, а следовательно, исторически подвижен, вариативен. При этом для организации территории характерно выделение в ее рамках центра и периферии (*resp.* «своего» и «чужого»), отражающей философско-социологическую дихотомию Я и Других⁶². Социум, самолокализующийся в территориально-пространственном «центре», символически закрепляет его принадлежность себе различными средствами, включая средства юридические, в качестве которых выступают те права, объектами которых являются как территория в целом, так и отдельные ее части.

6. Исторические предпосылки разделения суверенитета.

Из всего сказанного ранее с необходимостью следует вывод о том, что территория государства является феноменом исторически изменчивым, причем по мере трансформации данного феномена менялся и характер тех прав, объектом которых территория выступает. Так, современный правопорядок конституирует территорию, охватывающую собой сухопутное, воздушное и водное пространство, на которые распространяется власть данного государства, в качестве объекта его публичных прав, относящихся к числу элементов, составляющих содержание суверенитета. Напротив, в обществах Древнего мира и Средних веков под территорией обычно понималась только земля, принадлежавшая государству (в лице монарха или гражданского коллектива) на праве верховной собственности. Одновременно та же земля могла принадлежать и производным собственникам, связанным с государством целым рядом обязанностей, частично политического, частично имущественного характера.

Таким образом, в традиционном обществе право собственности на землю было расщепленным. Правомочия, входившие в его состав, распределялись между верховным собственником и собственниками производными, каковыми выступали городские и сельские общины, а также частные лица⁶³. Аналогичным образом распределялась и власть в обществе, вытекавшая из права собственности на землю и входившая в его содержание. При этом в политическом плане государство, персонифици-

гория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура» (Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 56–57).

⁶² Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.

⁶³ См. подробнее: Landsberger E. Die Glosse des Accursius und ihre Lehre von Eigentum. Leipzig, 1883. S. 82–88.

рованное в правителе, обладало сюзеренитетом, т. е. личным господством над производными собственниками земли, которые, в свою очередь, располагали властью над лицами, обладавшими землей не на праве собственности, а на иных имущественно-правовых основаниях⁶⁴. В научной литературе такой способ организации власти получил название власти-собственности⁶⁵.

Феномен власти-собственности, наиболее отчетливо проявившийся в средневековых обществах Западной Европы XI–XIV вв., где государственная власть основывалась на праве феодальной собственности на землю, выступал универсальной характеристикой властвования в любых традиционных государствах Древнего мира и Средних веков⁶⁶. С переходом от традиционного государства к государству современного типа происходит трансформация политической власти, которая утрачивает связь с имущественными (частными) правами и приобретает публично-правовой характер. Тем не менее присущий современному государству суверенитет, при всем качественном своеобразии его содержательных проявлений, сохранил свою способность к делению и распределению между различными субъектами и центрами властвования (в частности, между федерацией и ее субъектами).

Разумеется, было бы ошибкой видеть во всех федеративных государствах исторических преемников традиционных государств Древнего мира и Средних веков. Как известно, многие федерации сложились в регионах мира, не знавших феодализма, который по этой самой причине не мог оказать влияние на генезис соответствующих современных государств. Это касается, в частности, США, а также федеративных государств, входящих в Британское содружество наций (таких как Канада и Австралия). Тем не менее представляется вполне правдоподобным предположить, что если не исторически, то, по крайней мере, юридически существует известная преемственность между властью традиционного государства и властью государства современного, обусловленная самой сутью политического властвования.

Вот почему, анализируя историко-правовые причины закрепления федеративной или унитарной формы государственно-территориального устройства в конституциях Нового времени, невозможно абстрагироваться и от тех общеисторических условий, в которых эти конституции принимались. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно обратиться к опыту двух европейских государств, пошедших в плане своего территориального

⁶⁴ *Разуваев Н. В.* Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология, СПб., 2008. С. 48–52.

⁶⁵ О феномене власти-собственности см.: *Васильев Л. С.* 1) Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. М., 1982. С. 60–99; 2) Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 96–114; *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности исторического процесса. М., 2001. С. 558.

⁶⁶ См. об этом: *Разуваев Н. В.* Правовые предпосылки возникновения и эволюции государства: очерк юридической антропологии // Правоведение. 2013. № 4. С. 64–84.

устройства диаметрально противоположными путями. Речь идет о Германии, федеративное устройство которой было закреплено еще Конституцией 1871 г., и Франции, в эпоху Великой французской революции оформившейся в качестве унитарного государства.

Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении указанных государств, — это, естественно, принципиально несхожие исторические судьбы соседних народов. Так, во Франции, являвшейся в XI–XIII вв. регионом, где господствовал классический феодальный строй с его многоуровневой иерархией вассально-сеньориальных связей⁶⁷, достаточно рано наблюдаются процессы централизации, связанные с расширением королевского домена и включением в его состав феодальных землевладений, завершившиеся к началу XVI в. Напротив, Германия, будучи в эпоху Высокого Средневековья относительно централизованным государством, в дальнейшем не смогла преодолеть феодальную раздробленность и правовой партикуляризм. Этому, помимо всего прочего, способствовал фактический распад Священной Римской империи на множество *de facto* суверенных княжеств и имперских городов, закрепленный условиями Вестфальского мира 1648 г., сделавшего империю, по сути, номинальным политическим образованием⁶⁸.

Вместе с тем эти общеисторические факторы, на наш взгляд, не играли определяющей роли при выборе конкретного территориального устройства. Не случайно Италия, социальные и политические условия которой совпадали с германскими и которая также входила в состав Священной Римской империи, после своего объединения в 1870 г. оформилась как унитарное государство. Значительно более важными оказались, на наш взгляд, различия в правовых условиях. В самом деле, во Франции даже в Средние века отсутствовало то многообразие правопорядков и правовых систем, которыми характеризовалась Германия вплоть до конца XIX в.

Именно поэтому основной задачей Французской революции становится ликвидация местных правовых обычаев, в которых видели пережитки старого феодального строя и обеспечение единого правового пространства, чего, по мысли идеологов революции (Н. Кондорсе, Ж.-П. Марата, М. Робеспьера), проще всего было добиться в условиях унитарного государственно-территориального устройства. Напротив, в Германии унификация правопорядка и нивелирование разнообразия правовых систем оказались невозможными даже в условиях авторитарной Второй империи, бесспорно, учитывавшей неудачный опыт наполеоновской медиатизации германских княжеств в 1803–1806 гг. Вот почему законодательство объединенной Германии (прежде всего Германское гражданское уложение 1900 г.) пошло по пути не отмены местных правовых норм, а их плавной инкорпорации в состав общегерманского права. В свою очередь, указанное обстоя-

⁶⁷ Гуревич А. Я. Начало феодализма в Европе // Гуревич А. Я. Избр. труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М.; СПб., 1999. С. 194–195.

⁶⁸ Глушков А. Е., Моница И. В. Проблема национальной идентичности, самоопределения и государственного суверенитета в истории международных отношений: от Вестфальского мира до Версаля // Дневник АШПИ. 2005. № 21. С. 41–43.

ительство предопределило необходимость закрепления федеративного устройства Германии в конституциях 1871 и 1919 гг., а также в Основном законе ФРГ 1949 г.

7. Выводы. Подводя итог сказанному, можно констатировать множественность видов суверенитета, а именно речь идет о суверенитете человеческой личности, народном суверенитете и суверенитете государства. При этом под суверенитетом личности мы, вслед за рядом других мыслителей, понимаем автономию индивида, его верховенство над собственными поступками и имуществом, возможность по своему усмотрению совершать любые действия, не нарушающие автономии других людей. Суверенитет личности выступает базовой характеристикой свободной воли лица и служит неизменным проявлением присущей всякому человеку экзистенциальной свободы. Представляется, что лишь этот вид суверенитета, будучи неразрывно связанным со свободной человеческой личностью, имеет естественный, а не сконструированный характер.

Народный суверенитет, традиционно определяемый как верховенство власти народа, произведен от суверенитета личности, поскольку народ является не чем иным, как совокупностью индивидов, обладающих неотъемлемыми правами и свободной волей. Следовательно, народный суверенитет характеризуется тремя важнейшими признаками. Во-первых, в сущностном плане он представляет собой выражение свободы членов общества, а потому в условиях политической и социальной несвободы как таковой невозможен. Во-вторых, будучи по своему содержанию совокупностью прав, народный суверенитет является юридической конструкцией. Как следствие, он разделяется между различными социальными субъектами и институтами, включая государство, которому передается часть суверенных прав народа. Наконец, в-третьих, народный суверенитет не абсолютен, он ограничивается суверенными правами личности, что является важнейшим условием наличия свободы в обществе.

Аналогичные признаки можно выделить и применительно к государственному суверенитету. Суверенитет государства вообще и федеративного государства в частности также по своей сущности является выражением той социальной свободы, на обеспечение и защиту которой направлена деятельность современного правового демократического государства. Таким образом, свобода выступает смысловой характеристикой всех видов суверенитета, включая и государственный суверенитет. Именно этим последний отличается от сюзеренитета традиционного государства, представлявшего собой проявление не столько свободы, сколько господства и власти (хотя степень неограниченности этого господства могла заметно варьироваться в различных традиционных обществах и была неодинаковой, например, в деспотическом восточном государстве и в демократическом античном полисе).

В содержательном плане государственный суверенитет может рассматриваться в качестве совокупности правомочий, принадлежащих государству и распределенных между различными его органами и должностными лицами, а потому как единое целое он имеет сконструированный

характер. Это связано с тем, что и само государство, в том числе государство федеративное, является конструкцией, созданной правом и закрепленной в тех знаково-символических средствах, которые имеются в распоряжении последнего (а именно субъективных прав и обязанностей, юридических норм, ценностей и т. п.).

Как явствует из сказанного ранее, распределение властных полномочий в государствах различных типов осуществляется как по горизонтали, т. е. между органами законодательной, исполнительной и судебной власти, так и по вертикали — между центральными и местными органами власти. Соответственно этому, имеются все основания говорить, что для федеративного государства характерно разделение суверенитета между федерацией и ее субъектами, выступающее необходимой предпосылкой вертикального разделения властей.

Вместе с тем наряду с распределением правомочий между центром и субъектами в федеративном государстве происходит и их взаимосогласование, обеспечивающее единство социального пространства в его территориальном аспекте. Как распределение, так и согласование суверенных прав представляют собой сложные процессы правовой коммуникации, в конечном счете имеющие целью формирование системы демократических процедур, обеспечивающих максимально широкое и всестороннее участие свободной воли членов общества в осуществлении государственной власти. Представляется, что дальнейшее совершенствование механизмов такого участия в постсовременном государстве будет способствовать возрождению на качественно новой основе «руссоистского проекта», казалось бы, похороненного ввиду своей практической нереализуемости еще в эпоху Французской революции.

Литература

- Автономов А. С.* Консенсуальная интеграция — сущность современного федерализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4 (49). С. 41–49.
- Арановский К. В.* Суверенитет в системе федеративных отношений // Право и политика. 2000. № 1. С. 10–17.
- Бёф Ж.-Л., Маньян М.* Территориальные образования и децентрализация // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 61–62.
- Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М.: Мысль, 1970. С. 144–145.
- Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- Васильев А. В.* Федеративное устройство государства: теория, иностранный и российский опыт // Право и государство: теория и практика. 2007. № 4. С. 4–18.
- Васильев Л. С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 96–114.
- Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Васильев Л. С. Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. М.: Наука, 1982. С. 60–99.
- Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–416.

- Виноградова Н. Л.* Социальное пространство как пространство диалогического взаимодействия // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 39–54.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Глушков А. Е., Моница И. В.* Проблема национальной идентичности, самоопределения и государственного суверенитета в истории международных отношений: от Вестфальского мира до Версаля // Дневник АШПИ. 2005. № 21. С. 41–43.
- Гоббс Т.* Основы философии // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 5–285.
- Грачев Н. И.* Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2009. 44 с.
- Грачев Н. И.* Суверенитет и федерализм: правовые проблемы организации верховной власти в федеративном государстве // Закон и право. 2007. № 1. С. 10–13.
- Григонис Э. П., Григонис В. П.* Конституционное право зарубежных стран. СПб.: Питер, 2006. 208 с.
- Гуревич А. Я.* Начало феодализма в Европе // Гуревич А. Я. Избр. труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 189–342.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в феноменологическую философию. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
- Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998. 320 с.
- Давыдова М. Л., Шанин А. А.* Категории «сущность», «содержание» и «форма» как научная основа построения учебного курса общей теории государства // Право и образование. 2008. № 1. С. 56–65.
- Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1909. 1000 с.
- Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб.: ЮридЦентр Пресс, 2004. 752 с.
- Енгибарян Р. В.* О некоторых дискуссионных теоретико-методологических вопросах курса конституционного права (читая новейшую учебную литературу) // Государство и право. 2001. № 1. С. 14–24.
- Журавлев А. Л., Комарова В. В.* Суверенитет в федеративном государстве // Право и жизнь. 2000. № 29. С. 14–21.
- Зиммель Г.* Социология пространства // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М.: Юрист, 1996. Т. 2. Созерцание жизни. 608 с.
- Карасев А. Т.* Особенности формирования государственной власти в федеративных государствах // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 8. С. 20–24.
- Касаткина Н. А.* Понятие унитарного государства в теории государства и права // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 206–212.
- Козырев А. А.* Проблемы соотношения государственного суверенитета Российской Федерации и государственной власти ее субъектов // Право и политика. 2003. № 5. С. 38–40.
- Конституция Российской Федерации. Принята на референдуме 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ и от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
- Левин И. Д.* Суверенитет. СПб.: ЮридЦентр Пресс, 2003. 373 с.
- Лысенко А. В.* Политико-географические аспекты автономизма в унитарных государствах Западной Европы // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия: География. 2013. Т. 26 (65), № 2. С. 127–134.
- Ляпин И. Ф.* Децентрализация власти в унитарных государствах // Государственная служба. 2010. № 1. С. 89–93.

- Манелис Б. Л.* Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. Ташкент: Наука, 1964. 308 с.
- Маритен Ж.* Народ и государство. М.: Идея-пресс, 2000. 196 с.
- Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
- Маунц Т.* Государственное право Германии (ФРГ и ГДР). М.: Иностр. лит., 1959. 596 с.
- Мелкумов А. А.* Канадский федерализм: теория и практика. М.: Экономика, 1998. 220 с.
- Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
- Морозова Л. А.* Теория государства и права. М.: Эксмо, 2005. 447 с.
- Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М.: Норма, 2001. 552 с.
- Олесов А. А.* Государственный суверенитет в федеративном государстве // Вестник ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2014. № 8 (49). С. 91–93.
- Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М.: Арена, 1993. 320 с.
- Палиенко Н. И.* Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Тип. губернского правления, 1903. 591 с.
- Пастухова Н. Б.* Проблемы государственного суверенитета. М.: Норма, 2006. 288 с.
- Плотникова О. В.* Региональное измерение в современном мироустройстве // Власть. 2012. № 9. С. 72–75.
- Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. ун-та, 2004. 863 с.
- Поляков А. В.* Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43.
- Примова Э. Н.* Конституционно-правовые основы Российской Федерации: концептуальный аспект. М.: Логос, 2006. 224 с.
- Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсесянца.* М.: Юрист, 2001. 520 с.
- Разуваев Н. В.* Правовые предпосылки возникновения и эволюции государства: очерк юридической антропологии // Правоведение. 2013. № 4. С. 64–84.
- Разуваев Н. В.* Современное государство как субъект права и социальный институт. Саарбрюккен: LAP Lambert Publishing, 2011. 312 с.
- Разуваев Н. В.* Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2008. 312 с.
- Раньжина И. В.* Механизм федерализации государств унитарной формы государственного устройства // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 4. С. 37–42.
- Рудницкая А. П., Глинник Ю. А.* Социально-политический вектор развития королевства Испания как унитарного государства // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2015. № 9–10 (38). С. 80–88.
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 151–256.
- Саликов М. С.* Судебный федерализм США // Правоведение. 1998. № 1. С. 89–94.
- Сардарян Г. Т.* Конституционная реформа 2001 года в Италии в контексте перехода от сложного унитарного государства к федеративному // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 122–129.
- Смирнов Я. Ю.* Вопрос о предметах ведения субъектов федерации или регионов унитарных государств в конституциях стран СНГ, Западной Европы и Америки // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 1–2. С. 29–33.

- Спиридонов Л. И.* Теория государства и права. М.: Проспект, 2001. 304 с.
- Тадевосян Э. В.* К вопросу о характере государственной власти субъекта Федерации // Государство и право. 2000. № 3. С. 17–26.
- Тиерней С.* Шотландия: деволюция в рамках унитарного государства // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 71–88.
- Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
- Федощева Н. Н.* Формы государственного устройства: теоретические и исторические аспекты: автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2000. 20 с.
- Фляйнер Т., Фляйнер Л., Баста Р.* Федерализм, федеративные государства и децентрализация // Федерализм и многоэтнические государства: швейцарская модель. Казань, 2004.
- Хафизов А. А.* Распределение компетенций органов власти в федеративных государствах: инвариантные признаки и вариативные черты // Проблемы права. 2011. № 3 (29). С. 77–83.
- Хафизов А. А.* Структура и организация власти в унитарном государстве // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 269–270.
- Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. М.: Юрид. лит., 1981. 386 с.
- Хёффе О.* Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994. 319 с.
- Черняк Л. Ю.* Теория делимости государственного суверенитета в федеративном государстве // Академический юридический журнал. 2009. № 1. С. 12–20.
- Чиркин В. Е.* Современное государство. М.: Междунар. отношения, 2001. 416 с.
- Шмитт К.* Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
- Шюц А.* Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 687–1022.
- Ященко А. С.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 852 с.
- Althusius J.* *Politica methodice digesta et exemplis sacris et profanes illustrata*. Herborn: Christophorus Corvinus, 1603. 612 p.
- Bourdieu P.* Is a Disinterested Act Possible? // Bourdieu P. *Practical Reason: On the Theory of Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 75–91.
- Bourdieu P., Wacquant L.* *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 332 p.
- Cruet I.* *La vie du droit et l'impuissance des lois*. Paris: Flammarion, 1908. 344 p.
- L'État multinational et l'Europe / dir. O. Audéoud, J. D. Mouton et S. Pierré-Caps*. Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 1997. 220 p.
- Landsberger E.* *Die Glosse des Accursius und ihre Lehre von Eigentum*. Leipzig: Brokhaus, 1883. XXI + 348 S.
- Laumann E. O., Knoke D.* *The Organizational State. Social Choice and National Policy Domains*. Madison: University of Wisconsin Press, 1987. 287 p.
- Mitchell T.* *Society, Economy and the State Effect // State — Culture: State Formation After the Cultural Turn*. Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 77–83.
- Ross A.* On the Concepts «State» and «State Organs» in Constitutional Law // *Scandinavian Studies in Law*. 1960. Vol. 5. P. 111–129.
- Rothbard M. N.* *The Ethics of Liberty*. New York: New York University Press, 2003. 240 p.
- Shapiro I.* *Democratic Justice*. New Haven: Yale University Press, 2001. 333 p.
- Story J.* *Commentaries on the Constitution of the United States*. Vol. 3. Boston, 1833. 394 p.

Terrell T. D. Property Rights and Externality: The Ethics of the Austrian School // Journal of Markets & Morality. 1999. Vol. 2, N 2. P. 197–207.

References

Althusius J. *Politica methodice digesta et exemplis sacris et profanes illustrata*. Herborn, Christophorus Corvinus, 1603. 612 p.

Aranovsky K. V. Suverenitet v sisteme federativnykh otnoshenii [Sovereignty within the system of federal relations]. *Pravo i politika* [Law and policy], 2000, no. 1, pp. 10–17. (In Russian)

Avtonomov A. S. Konsensual'naiia integratsiia — sushchnost' sovremennogo federalizma [Consensual integration is the essence of modern federalism]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review], 2004, no. 4 (49), pp. 41–49. (In Russian)

Boden G. [Six books about the State]. *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of world philosophy]. In 4 vols. Vol. 2. European philosophy from the Renaissance to the enlightenment. Moscow, Mind Publ., 1970, pp. 144–145. (In Russian)

Bœuf J.-L., Magnan M. Territorial'nye obrazovaniia i detsentralizatsiia [Territorial education and decentralization]. *Otechestvennye zapiski* [Russian notes], 2006, no. 5, pp. 61–62. (In Russian)

Bourdieu P. Is a Disinterested Act Possible? *Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998, pp. 75–91.

Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993. 336 p. (In Russian)

Bourdieu P., Wacquant L. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago University of Chicago Press, 1992. 332 p.

Chernyak L. Yu. Teoriia delimosti gosudarstvennogo suvereniteta v federativnom gosudarstve [Divisibility Theory of State sovereignty in a federal State]. *Akademicheskii iuridicheskii zhurnal* [Academic legal journal], 2009, no. 1, pp. 12–20. (In Russian)

Chirkin V. E. *Sovremennoe gosudarstvo* [Modern State]. Moscow, International relations Publ., 2001. 416 p. (In Russian)

Cruet I. *La vie du droit et l'impuissance des lois*. Paris, Flammarion Publ., 1908. 344 p.

Davydova M. L., Shanin A. A. Kategorii «sushchnost'», «soderzhanie» i «forma» kak nauchnaia osnova postroeniia uchebnogo kursa obshchei teorii gosudarstva [Category “essence”, “contents” and “form” as the scientific basis for constructing a general theory of course state]. *Pravo i obrazovanie* [The law and education], 2008, no. 1, pp. 56–65. (In Russian)

Dugi L. *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaia teoriia gosudarstva* [Constitutional law. A general theory of the State]. Moscow, Ed. of I. D. Sytin, 1909. 1000 p. (In Russian)

Fedoševa N. N. *Formy gosudarstvennogo ustroistva: teoreticheskie i istoricheskie aspekty*. Avtoref. dis. kand. iurid. nauk [Form of Government: theoretical and historical aspects]. Thesis of diss. PhD of law]. Moscow, 2000. 20 p. (In Russian)

Fleiner T., Fleiner L., Basta R. [Federalism, Federal States and decentralization]. *Federalizm i mnogoetnichnye gosudarstva: shveysarskaia model'* [Federalism and multi-ethnic States: the Swiss model]. Kazan, 2004. (In Russian)

Glushkov A. E., Monina I. V. Problema natsional'noi identichnosti, samoopredeleniia i gosudarstvennogo suvereniteta v istorii mezhdunarodnykh otnoshenii: ot Vestfal'skogo mira do Versalia [Problem of national identity, self-determination and State sovereignty in the history of international relations: from the peace of Westphalia to Versailles]. *Dnevnik AShPI* [Diary of AShPI], 2005, no. 21, pp. 41–43. (In Russian)

Grachev N. I. *Gosudarstvennoe ustroistvo i suverenitet v sovremennom mire: voprosy teorii i praktiki*. Avtoref. dis. d-ra iurid. nauk [*State and sovereignty in the contemporary world: issues of theory and practice*. Thesis of diss. Doctor of Law]. Moscow, 2009. 44 p. (In Russian)

Grachev N. I. Suverenitet i federalizm: pravovye problemy organizatsii verkhovnoi vlasti v federativnom gosudarstve [Sovereignty and federalism: legal problems of supreme power in a federal State]. *Zakon i pravo* [Law and right], 2007, no. 1, pp. 10–13. (In Russian)

Grigonis H. P., Grigonis V. P. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 208 p. (In Russian)

Gurevich A. Ya. [Beginning of feudalism in Europe]. Gurevich A. Ya. *Izbr. trudy* [Selected Works]. Vol. 1. The ancient Teutons. The Vikings. Moscow, St. Petersburg, University book Publ., 1999, pp. 189–342. (In Russian)

Hafizov A. A. Raspredelenie kompetentsii organov vlasti v federativnykh gosudarstvakh: invariantnye priznaki i variativnye cherty [Distribution of competences of authorities in federal States: invariant characteristics and variation characteristics]. *Problemy prava* [Problems of law], 2011, no. 3 (29), pp. 77–83. (In Russian)

Hafizov A. A. Struktura i organizatsiia vlasti v unitarnom gosudarstve [Structure and organization of power in a unitary State]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Bryansk State University], 2011, no. 2, pp. 269–270. (In Russian)

Hegel G. W. F. *Filosofia prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mind Publ., 1990. 524 p. (In Russian)

Hesse K. *Osnovy konstitutsionnogo prava FRG* [The basics of constitutional law of the Federal Republic of Germany]. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1981. 386 p. (In Russian)

Hobbes T. [Bases of philosophy]. Hobbes T. *Soch.* [Works]. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 2, pp. 5–285. (In Russian)

Hoeffe O. *Politika. Pravo. Spravedlivost'*. *Osnovopolozheniia kriticheskoi filosofii prava i gosudarstva* [The Policy. Right. Justice. Basic principles of critical philosophy of law and the State]. Moscow, Gnosis Publ., 1994. 319 p. (In Russian)

Husserl E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii*. Kniga pervaia. Obshchee vvedenie v fenomenologicheskuiu filosofiiu [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy. The first book. General introduction to phenomenological philosophy]. Moscow, Academic project Publ., 2009. 489 p. (In Russian)

Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniia* [Cartesian meditations]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 320 p. (In Russian)

Jellinek G. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General theory the State]. St. Petersburg, JuridCentre Press, 2004. 752 p. (In Russian)

Karasev A. T. Osobnosti formirovaniia gosudarstvennoi vlasti v federativnykh gosudarstvakh [Peculiarities of formation of public authorities in federal States]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Chelyabinsk State University], 2008, no. 8, pp. 20–24. (In Russian)

Kasatkina N. A. Poniatie unitarnogo gosudarstva v teorii gosudarstva i prava [Unitary State Concept in the theory of State and law]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and social sciences], 2015, no. 1, pp. 206–212. (In Russian)

Kozyrev A. A. Problemy sootnosheniia gosudarstvennogo suvereniteta Rossiiskoi Federatsii i gosudarstvennoi vlasti ee sub"ektov [Problems of relationship of the State sovereignty of the Russian Federation and the Government of its subjects]. *Pravo i politika* [Law and policy], 2003, no. 5, pp. 38–40. (In Russian)

L'État multinational et l'Europe. Dir. O. Audéoud, J. D. Mouton et S. Pierré-Caps. Nancy, Presses Universitaires de Nancy, 1997. 220 p.

Landsberger E. *Die Glosse des Accursius und ihre Lehre von Eigentum*. Leipzig: Brokhaus, 1883. XXI + 348 p.

- Laumann E. O., Knoke D. *The Organizational State. Social Choice and National Policy Domains*. Madison, University of Wisconsin Press, 1987. 287 p.
- Levin I. D. *Suverenitet [Sovereignty]*. St. Petersburg, Legal Center Press Publ., 2003. 373 p. (In Russian)
- Lyapin I. F. Detsentralizatsiia vlasti v unitarnykh gosudarstvakh [Decentralization of power in unitary States]. *Gosudarstvennaia sluzhba [State service]*, 2010, no. 1, pp. 89–93. (In Russian)
- Lysenko A. V. Politiko-geograficheskie aspekty avtonomizma v unitarnykh gosudarstvakh Zapadnoi Evropy [Political-geographical aspects of the unthinkable at the unitary States of Western Europe]. *Uchenye zapiski TNU im. V. I. Vernadskogo. Seriya Geografiia [Memoirs of TNU of V. I. Vernadsky. Series Geography]*, 2013, vol. 26 (65), no. 2, pp. 127–134. (In Russian)
- Manelis B. L. *Problema suvereniteta i ee znachenie v sovremennykh usloviakh [Problem of sovereignty and its importance in modern conditions]*. Tashkent, Nauka Publ., 1964. 308 p. (In Russian)
- Maritain J. *Narod i gosudarstvo [The people and the State]*. Moscow, Ideia-press, 2000. 196 p. (In Russian)
- Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniia: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniia [The tree of knowledge: the biological roots of human understanding]*. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2001. 224 p. (In Russian)
- Maunz T. *Gosudarstvennoe pravo Germanii (FRG i GDR) [State law Germany (FRG and GDR)]*. Moscow, Foreign literature Publ., 1959. 596 p. (In Russian)
- Melkumov A. A. *Kanadskii federalizm: teoriia i praktika [Canadian federalism: theory and practice]*. Moscow, Economics Publ., 1998. 220 p. (In Russian)
- Milov L. V. *Velikorusskii pakhar' i osobennosti istoricheskogo protsessa [Great-Russian Plowman and peculiarities of the historical process]*. Moscow, Rosspen Publ., 2001. 576 p. (In Russian)
- Mitchell T. *Society, Economy and the State Effect. State – Culture: State Formation After the Cultural Turn*. Ithaca. Cornell University Press, 1999, pp. 77–83.
- Morozova L. A. *Teoriia gosudarstva i prava [Theory of State and law]*. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 447 p. (In Russian)
- Nerseyants V. S. *Obshchaia teoriia prava i gosudarstva [General theory of law and State]*. Moscow, Norma Publ., 2001. 552 p. (In Russian)
- Olesov A. A. Gosudarstvennyi suverenitet v federativnom gosudarstve [State sovereignty in a federal State]. *Vestnik TGPU im. L. N. Tolstogo [Herald of TSPU of Leo Tolstoy]*, 2014, no. 8 (49), pp. 91–93. (In Russian)
- Ostrom V. *Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoe samoupravliaiushcheesia obshchestvo [The meaning of American federalism. What is a self-governing society]*. Moscow, Arena Publ., 1993. 320 p. (In Russian)
- Paliyenko N. I. *Suverenitet. Istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie [Sovereignty. Historical development of the idea of sovereignty and of its legal significance]*. Yaroslavl, Typography of Provincial Government, 1903. 591 p. (In Russian)
- Pastuhova N. B. *Problemy gosudarstvennogo suvereniteta [Problems of State sovereignty]*. Moscow, Norma Publ., 2006. 288 p. (In Russian)
- Plotnikova O. V. Regional'noe izmerenie v sovremennom miroustroistve [Regional dimension in the modern world]. *Vlast' [Power]*, 2012, no. 9, pp. 72–75. (In Russian)
- Polyakov A. V. Postklassicheskoe pravovedenie i ideia kommunikatsii [Postclassical jurisprudence and the idea of communication]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 2006, no. 2, pp. 26–43. (In Russian)
- Polyakov A. V. *Obshchaia teoriia prava: Problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda [General theory of law: problems of interpretation in the context*

of the communicative approach]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004. 863 p. (In Russian)

Primov E. N. *Konstitutsionno-pravovye osnovy Rossiiskoi Federatsii: kontseptual'nyi aspekt* [Constitutional and legal framework of the Russian Federation: conceptual aspect]. Moscow, Logos Publ., 2006. 224 p. (In Russian)

Problemy obshchei teorii prava i gosudarstva [The problem of the general theory of law and State]. Ed. by V. S. Nersesjanz. Moscow, Jurist Publ., 2001. 520 p. (In Russian)

Ran'žina I. V. *Mekhanizm federalizatsii gosudarstv unitarnoi formy gosudarstvennogo ustroistva* [Mechanism federalization States unitary form of Government]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics and law], 2013, no. 4, pp. 37–42. (In Russian)

Razuvaev N. V. *Pravovye predposylki vzniknoveniia i evoliutsii gosudarstva: ocherk iuridicheskoi antropologii* [Legal preconditions for the emergence and evolution of the State: an essay of legal anthropology]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2013, no. 4, pp. 64–84. (In Russian)

Razuvaev N. V. *Sovremennoe gosudarstvo kak sub"ekt prava i sotsial'nyi institut* [Modern State as a subject of law and a social institution]. Saarbruecken, LAP Lambert Publ., 2011. 312 p. (In Russian)

Razuvaev N. V. *Traditsionnoe gosudarstvo: pravovaia priroda, sushchnost' i tipologiya* [Traditional State: the legal nature of that entity and typology]. St. Petersburg, Ifferel, Knowledge Publ., 2008. 312 p. (In Russian)

Ross A. On the Concepts "State" and "State Organs" in Constitutional Law. *Scandinavian Studies in Law*, 1960, vol. 5, pp. 111–129.

Rothbard M. N. *The Ethics of Liberty*. New York, New York University Press, 2003. 240 p.

Rudnitskaya A. P., Glinnik Yu. A. *Sotsial'no-politicheskii vektor razvitiia korolevstva Ispaniia kak unitarnogo gosudarstva* [Socio-political direction of development of the Kingdom of Spain as a unitary State]. *Nauchnaia diskussiia: voprosy sotsiologii, politologii, filosofii, istorii* [Scientific discussion: issues of sociology, political science, philosophy, history], 2015, no. 9–10 (38), pp. 80–88. (In Russian)

Russo J.-J. [The social contract, or principles of political right]. Russo J.-J. *Traktaty* [Treatises]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 151–256. (In Russian)

Salikov M. S. *Sudebnyi federalizm SShA* [Judicial federalism of United States]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1998, no. 1, pp. 89–94. (In Russian)

Sardaryan G. I. *Konstitutsionnaia reforma 2001 goda v Italii v kontekste perekhoda ot slozhnogo unitarnogo gosudarstva k federativnomu* [2001 — year of constitutional reform in Italy in the context of the transition from complex unitary to a federal State]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and governance. The twenty-first century], 2013, no. 2 (27), pp. 122–129. (In Russian)

Schmitt K. *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of the Earth in the jus publicum europaeum right of peoples]. St. Petersburg, Vladimir Dahl Publ., 2008. 670 p. (In Russian)

Schutz A. [Semantic structure of social peace]. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetiashchiisia smyslom* [Selected works: World, glowing with meaning]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (Rosspen) Publ., 2004, pp. 687–1022. (In Russian)

Shapiro I. *Democratic Justice*. New Haven, Yale University Press, 2001. 333 p.

Simmel G. [Sociology of space]. Simmel G. *Izbrannoe* [Selected works]. In 2 vols., vol. 2. *Contemplation of life*. Moscow, Jurist Publ., 1996. 608 p. (In Russian)

Smirnov Ya. Yu. *Vopros o predmetakh vedeniia sub"ektov federatsii ili regionov unitarnykh gosudarstv v konstitutsiakh stran SNG, Zapadnoi Evropy i Ameriki* [The problem of subjects of reference entities of the Federation or regions of unitary States, the con-

- stitutions of the countries of the CIS, Western Europe and America]. *Aktual'nye problemy pravovedeniia* [Actual problems of law], 2003, no. 1–2, pp. 29–33. (In Russian)
- Spiridonov L. I. *Teoriia gosudarstva i prava* [Theory of State and law]. Moscow, Prospect Publ., 2001. 304 p. (In Russian)
- Story J. *Commentaries on the Constitution of the United States*. Vol. 3. Boston, 1833. 394 p.
- Tadevosyan E. V. K voprosu o kharaktere gosudarstvennoi vlasti sub"ekta Federatsii [On the problem of the nature of State power of constituent entity of the Federation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2000, no. 3, pp. 17–26. (In Russian)
- Terrell T. D. Property Rights and Externality: The Ethics of the Austrian School. *Journal of Markets & Morality*, 1999, vol. 2, no. 2, pp. 197–207.
- Tiernej S. Shotlandiia: devoliutsiia v ramkakh unitarnogo gosudarstva [Scotland: devolution within a unitary State]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review], 2008, no. 4, pp. 71–88. (In Russian)
- [The Constitution Of The Russian Federation. Adopted by referendum on December 12, 1993 (as amended by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 n 6-FCL, from 30.12.2008 n 7-FCL, from 05.02.2014 n 2-FCL and 21.07.2014 n 11-FCL)]. *SZ RF*, 2014, no. 31, ch. 4398. (In Russian)
- Tocqueville A. de. *Demokratia v Amerike* [Democracy in America]. Moscow, Progress Publ., 1992. 554 p. (In Russian)
- Vasiliev L. S. [East and West in history (the main parameters of perspective)]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative path to civilization]. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 96–114. (In Russian)
- Vasiliev L. S. [Phenomenon of Government-owned. The problem of typology of pre-capitalist structures]. Vasilyev L. S. *Tipy obshchestvennykh otnoshenii na Vostoke v Srednie veka* [Public relations Types to the East in the middle ages]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 60–99. (In Russian)
- Vasilyev A. V. Federativnoe ustroistvo gosudarstva: teoriia, inostranni i rossiiskii opyt [Federal structure of the State: the theory, foreign and Russian experience]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika* [The law and the State: the theory and practice], 2007, no. 4, pp. 4–18. (In Russian)
- Vinogradova N. L. Sotsial'noe prostranstvo kak prostranstvo dialogicheskogo vzaimodeistviia [Social space as a space of dialogical interaction]. *Vestnik VGU. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Herald of VGU. Series The humanities], 2005, no. 2, pp. 39–54. (In Russian)
- Weber M. ["Objectivity" social-scientific and socio-political knowledge]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 345–416. (In Russian)
- Yashchenko A. S. *Teoriia federalizma. Opyt sinteticheskoi teorii prava i gosudarstva* [Theory of federalism. Experience the synthetic theory of law and State]. St. Petersburg, Typography of K. Mattisen, 1912. 852 p. (In Russian)
- Yengibaryan R. V. O nekotorykh diskussionnykh teoretiko-metodologicheskikh voprosakh kursa konstitutsionnogo prava (chitaia noveishuiu uchebnuiu literaturu) [On some discussion of theoretical and methodological issues of constitutional law course (reading the newest educational literature)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2001, no. 1, pp. 14–24. (In Russian)
- Zhuravlyov A. L., Komarova V. V. Suverenitet v federativnom gosudarstve [Sovereignty in a federal state]. *Pravo i zhizn'* [The law and life], 2000, no. 29, pp. 14–21. (In Russian)